

Содержание

Предисловие.....	5
Вступление.....	9
Часть I	
ПЯТЬ ИСТОРИЙ ПОБЕГА.....	11
Часть II	
КАКИЕ ЗАКОНЫ ЗАЩИЩАЮТ ЖЕНЩИН СЕГОДНЯ.....	79
Часть III	
КАК ПОНЯТЬ, ЧТО В ОТНОШЕНИЯХ ЕСТЬ АБЬЮЗ.....	127
Часть IV	
ИХ БЫЛО ПЯТЬДЕСЯТ.....	181
Часть V	
ХОЧУ УЙТИ. ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ.....	209
Вместо заключения.....	233

Предисловие

В середине двухтысячных я вел резонансное дело Александры Иванниковой*, во время которого впервые столкнулся со стереотипами в отношении жертв насилия. Казалось бы, вот ситуация: девушку, которая ночью возвращалась домой, пытались изнасиловать, однако всех вокруг интересует не совершенное преступление, а причины, по которым она так поздно шла по улице, и ее поведение — ведь все приличные девушки должны по ночам сидеть дома.

Каждый — и мужчина, и женщина, и полицейские, и обыватель — смещал внимание с преступника на жертву, тем самым снимая вину с насильника.

* 8 декабря 2003 г. Александра Иванникова, защищаясь от нападения, ранила в ногу подвозившего ее водителя, студента юридического факультета (оба находились в состоянии алкогольного опьянения). Нападавший завез ее в темный двор и попытался изнасиловать в автомобиле. От полученной раны (была задета бедренная артерия) мужчина скончался. Изначально действия Иванниковой следствие квалифицировало как умышленное причинение тяжкого вреда, по неосторожности повлекшее смерть потерпевшего, и девушку приговорили к двум годам лишения свободы и возмещению материальной компенсации (за причиненный моральный вред) отцу погибшего. Через неделю приговор был обжалован, спустя еще пять месяцев прокурор полностью отказался от обвинений и попросил о прекращении дела. 28 ноября 2005 г. Люблинский суд в новом составе оправдал Иванникову.

Подобная точка зрения — результат принятия паттернов, которые не только формировались на протяжении многих лет, но и годами транслировались в массы: плох не агрессор, плоха жертва.

Однако то, что женщина может употреблять спиртное, курить или выходить по ночам на улицу, никому не дает права ее избивать или насиловать. Его дают стереотипы. Последние словно сообщают: «Готовьтесь к тому, что вас изнасилуют, — агрессорам за это все равно ничего не будет». Смещение акцента с настоящего насильника на жертву — это самый распространенный, ложный и абсолютно недопустимый стереотип. Абыюзу нет оправдания.

Даже ведя другие дела, связанные, например, с разводом и разделом имущества, я понимал: у женщин практически стопроцентно отсутствует возможность получить от государства квалифицированную юридическую помощь. Эффективных мер для защиты жертв домашнего насилия у нас не существует: именно государство дает агрессору полное право занимать жилье, даже если то ему не принадлежит. И, чтобы женщина, не боясь абьюза, могла оставаться в собственной квартире, приходится придумывать какие-то схемы. При этом общество во всем обвиняет жертву, а мировые суды пытаются примирить ее с абьюзером, вместо того чтобы вынести тому наказание. Женщина обращается за сатисфакцией, неким моральным удовлетворением, наконец просто для того, чтобы ее перестали избивать, но в ответ получает обвинения или же ее склоняют к примирению.

Но нарыв созрел. Пришло время принимать закон о домашнем насилии.

В 2012 г. вместе с командой единомышленников мы организовали рабочую группу по подготовке законопроекта о домашнем насилии: анализировали последствия

семейных и бытовых конфликтов, изучали зарубежный опыт и собственный, который приобрели во время ведения дел. К 2016 г., после того как в ходе публичных обсуждений и дискуссий отточили детали, подготовили первый вариант законопроекта. В 2019 г. представили его.

Семь–десять лет тому назад тема внутрисемейного насилия в принципе обсуждалась с трудом: люди считали, что подобной проблемы не существует. Это касалось не только общества, но и профильных вузов, юридических факультетов и правозащитной сферы, где домашний абьюз считали тоже не заслуживающим внимания. Хотя, конечно, имелась группа энтузиастов, которые постоянно говорили об этой проблеме. В какой-то момент общество достигло критической отметки — сейчас не проходит и дня, чтобы не стало известно об очередном зверстве. Вообще я уверен, что теперь эта тема никогда не перестанет обсуждаться. Вопрос только в одном: когда примут закон?

Каждый день без закона измеряется конкретной человеческой судьбой. Узнаёшь об очередном случае, понимаешь, что ситуацию можно было бы предотвратить, — сердце кровью обливается.

Я занимаюсь темой профилактики домашнего насилия по трем причинам: потому что адвокат, потому что гражданин своей страны, потому что отец двоих дочерей. Мне хотелось бы жить в обществе, где каждый исходит из того, что насилие недопустимо. Нам нужно государство, которое не просто декларирует права человека в Конституции, но и предоставляет пакет мер по защите собственных граждан.

Существующий культ насилия над женщинами уйдет, когда общество станет к нему нетерпимым. Но это окажется возможным только при наличии комплексных мер. И государство должно выполнить самую главную

функцию. Только потом изменятся все остальные — полиция, юристы, судьи, свидетели, сами агрессоры и те, кто столкнулся с насилием. Чаще всего жертвам абьюза нужно только одно. И это не денежное вознаграждение, не уголовное наказание. Жертвам насилия прежде всего нужна безопасность, возможность жить без угроз, преследований и избиений, без страха за жизнь детей.

Представленные в этой книге истории жертв внутри-семейного абьюза — это не просто отдельные женские истории. Это история общества — терпимого к насилию и не желающего терять на него монополию.

АЛЕКСЕЙ ПАРШИН, АДВОКАТ

С 1998 г. член Адвокатской палаты г. Москвы, в 2006 г. награжден Серебряной медалью им. Ф.Н. Плевако; в настоящее время представляет сторону защиты одной из сестер Хачатурян, Ангелины, которая обвиняется в убийстве отца; один из авторов законопроекта «О профилактике домашнего насилия»

Вступление

В комнате было темно: уличный фонарь, пробиваясь сквозь оконное стекло, окрашивал пространство в теплый желтый свет. Сон не шел, и единственное, что мне оставалось делать, — повернуться к стене, рассматривать рисунки на розовых обоях своей девчачьей комнаты и прислушиваться к тишине.

Хорошо помню, как посреди ночи откуда-то сверху послышался шум — было похоже, что на пол упала табуретка. За одним резким звуком раздался другой, потом еще и наконец — протяжный женский крик.

Голоса, мужской и женский, смешались в единое месиво: было непонятно, кто именно и почему кричит.

Я выглянула в коридор, прислушалась к звукам и пошла к спальне родителей.

— Ма-а-ам, — позвала я, открыв дверь.

Мама сидела на краю кровати и тоже напряженно слушала. Она обернулась на скрип двери:

— Ты почему не спишь? Иди спать.

— Мам... что за шум?

— Не обращай внимания. Иди спать, — повторила она, и я ушла.

Прошло больше двадцати лет с того момента, когда впервые столкнулась с тем звуком. Я сменила несколько городов, бесчисленное количество дешевых комнатушек

и дорогих квартир, и — в каком бы месте ни оказывалась — рано или поздно мне практически всегда доводилось слышать одно и то же: резкий шум, крик, приглушенную возню.

Этих женщин можно увидеть везде — внешне разные, они абсолютно одинаково кричат, боятся, чувствуют. Продавщицы мини-маркетов, кондукторши троллейбусов, учительницы начальных классов, высокопоставленные чиновницы, мои родственницы и лучшие подруги.

Когда я спросила своего редактора, о чем стоило бы написать во вступлении к книге, она ответила: «Напишите, с чего все началось».

Так вот: эта книга началась с событий двадцатилетней давности, когда поздней ночью одна маленькая десятилетняя девочка впервые стала свидетельницей домашнего насилия и с тех самых пор никогда не переставала ею быть.

ЧАСТЬ I

ПЯТЬ ИСТОРИЙ ПОБЕГА

Осенью 2018 г. я проводила журналистское исследование темы домашнего насилия. Результатом работы стали пятьдесят историй, большая часть которых входит в эту книгу. В первой части звучат пять историй, и почти все они о женщинах, которые не только пострадали от рук мужей, но и попали в абьюзивные отношения, психологическую или финансовую зависимость.

История Нади

Паша начинает убивать

Паша проснулся с острым желанием отравить своих собак: потянулся в постели, сбросил белое одеяло на пол, встал, вышел в гостиную и почувствовал резкий запах песьей мочи.

— Вонь, — сказал он и огляделся.

В углу маленькой комнаты, свернувшись в крендель, спала собака породы ротвейлер; по ней ползали семеро щенят. Собаку звали Чао, ей нравилось, когда чесали за ухом, и не нравилось, когда трогали за живот. Она громко лаяла на прохожих, особенно агрессивно реагируя на пьяниц.

— Чао! Чао, — кричали дети, — фу! К ноге!

Тогда она напрочь забывала об уличных алкашах и мчалась к детям. И им казалось, что она улыбается на бегу.

Суки имеют обыкновение беременеть, если их не стерилизовать, а детеныши — вырастать в псов, если от них вовремя не избавиться.

Обычно Паша топил помет сразу после рождения — в красном тазу с большим швом на дне и маркировкой «50 л». Но в этот раз поздно спохватился: кутята стали щенками, облизывающими лица, кусающими друг друга и тявкающими на все вокруг. Было неприятно. Раздражало.

— Вонь, — повторил он и прошел в ванную комнату.

Только что из душа вышла жена; зеркало запотело, в комнате стало жарко. Он распахнул дверь, выпустил

холодный воздух, сдернул серое полотенце с гвоздя, вбитого в стену, протер им влажное стекло и недовольно посмотрел на себя. Синие глаза стали прозрачно-голубыми, черные волосы посерели, шрам через всю щеку, когда-то разрезавший кожу шестнадцатилетнего подростка, теперь принадлежал сорокалетнему мужчине, исполосованному не только мятой царапиной со стянутой вокруг нее кожей, но и резкими, глубокими морщинами.

Паша посмотрел на себя и, не сводя глаз с отражения, начал медленно к нему приближаться, пока не уперся лбом в прохладную поверхность.

— А-а-а-а! — заорал он, и на крик прибежала жена.

— Что случилось? — спросила Надя и, когда увидела, что муж не корчится от боли, резко попятилась.

— Почему в доме так воняет? — прорычал он.

Паша и Надя познакомились семнадцать лет назад прекрасной теплой ночью на городской дискотеке. Она была в белой маечке, красных круглоносых туфельках старшей сестры и горчичного цвета юбке-колокольчике. Он стоял поодаль от толпы, курил одну сигарету за другой и не сводил с нее глаз.

Летом на площади Ленина всегда было многолюдно. Старики прогуливались медленным шагом по аллеям, семейные пары пили дешевое пиво на лавочках возле фонтанов, а их пухлощечие дети бегали туда-сюда, школьники торопились на дискотеку и высматривали в толпе одноклассников: танцевать большими компаниями после пары бутылок джин-тоника, выпитых за гаражами, было гораздо веселее.

Дискотека находилась прямо на берегу водоема в самом центре небольшого провинциального городка.

Водоем, именуемый жителями болотом, выглядел довольно симпатично: плавали утки, ворковали голуби, а берега связывал выкрашенный в бежевый мост. Напротив входа на танцевальную площадку, огороженную высокой железной сеткой, стояла большая бетонная коробка с протекающей крышей и двумя тяжелыми железными дверями «М» и «Ж».

Паша высмотрел Надю и подошел знакомиться. Его покорили ее смущение и сложенные крест-накрест тоненькие ручки. Ее покорили его напористость и самоуверенность.

Сейчас Наде исполнилось тридцать семь, Паше — сорок три, у них были дочери-близняшки и двухкомнатная квартира, требующая хотя бы косметического ремонта, но на самом деле пожара, который сжег бы дотла все — от покрытой плесенью плитки в ванной комнате до ковра, обоссанного детьми и собаками, и детских кроватей без одной стенки: девочки уже выросли и последние несколько лет спали, сильно подгибая ноги.

Однажды Надя задержалась на работе, и мужу пришлось самому укладывать девчонок спать. Пропев одну и ту же колыбельную в десятый раз, он наконец укрыл уснувших дочек пожелтевшим одеялом и из комнаты прошел на кухню.

В тесной кухне, прижавшись друг к другу, стояли стол, угловой диван и деревянная коричневая табуретка. Каким-то удивительным образом в этой комнатушке помещался и широкоплечий Паша. Ссутулившийся, он казался таким же маленьким, как и вся эта хлипкая мебель. Паша мотнул кран и поставил чайник под слабый напор холодной воды. В замочной скважине повернулся ключ, дверь тихо отворилась, и, бесшумно ступив на придверный коврик, в дом зашла Надя.

— Дети спят? — спросила она, но, взглянув на мужа, сразу осеклась.

Она прочла в его глазах то, что уже видела много раз, когда они занимались сексом. Он чуть скалил зубы, сжимал рукой ее шею или опирался на лицо, и тогда ее щека расползалась как глина — Наде казалось, что челюсть вот-вот хрустнет под тяжестью большого мужского тела.

И сейчас она встретилась с этим взглядом напрямую — не было возможности закрыть глаза и отвернуться, притвориться удовлетворенной и спящей.

— Где ты была?

— Я же предупредила, что мы на работе отмечали день рождения директора. Нельзя было не задержаться.

— Ты с ним спишь?

— Конечно, нет! — Она подумала, что он это не все-ррез. — Как ты можешь так говорить?

— Я вижу по твоим красным щекам, что ты сегодня была возбуждена. Хотела его? — Он вплотную подошел к ней и взял за подбородок. — Хотела?

— Нет. Паша, ты делаешь мне больно.

— Пойдем, — произнес он фразу, которую она будет слышать практически каждый месяц, и повел на кухню.

Там впервые он постелил коврик, рассыпал гречку и молча поставил жену на колени — прямо на крупу. Холодная вода вытекала из переполненного чайника. Паша чиркнул спичкой и поставил тот на огонь.

— Встанешь, когда закипит.

Больно, больно, очень больно, Господи, как больно... Биться головой о батарею? Начать биться головой о батарею? Начать? Вскипел, наконец, вскипел!.. Вскипел же!

— Можешь встать, — разрешил он, наливая кипятка в чашку, и Надя поднялась с колен.

Точно так же его когда-то наказывала мама: только вместо гречневой крупы рассыпала горох из красной пластиковой емкости на дырявую ночнушку, которая всегда лежала в углу — как напоминание о том, что маленький мальчик должен вести себя хорошо. Когда Паша «вел себя плохо», мама медленно разглаживала складки на мятой ткани, раскладывала горошинки и отводила сына за ручку в угол. Семилетний Паша терпеливо принимал наказание.

Мать перестала вставать с постели на следующий день после своего семидесятилетия. Все знали, что это однажды случится — она долго болела, — и были готовы. Последние годы Надя ходила за бабушкой как за малым ребенком: покупала продукты, из которых готовила ее любимые блюда, убиралась в квартире, меняла постельное белье, купала в ржавой ванне, куда свекровь еле-еле забиралась сама, терла подмышки и намыливала редкие короткие волосы, одевала в свежую пижаму и нажимала на кнопку телевизионного пульта. Когда бабушка перестала подниматься, к обязанностям Нади добавились смена памперсов и подмывание вялых ягодиц от испражнений.

Наде казалось, что в ее жизни никогда не будет праздника, но тот случился, когда она, придя к свекрови, обнаружила ту в гостиной. Твердая как бетон бабушка лежала на полу. Смерть заставила ее подняться с дивана, свалиться на пол и замереть с тем же выражением лица, с которым она проходила всю жизнь.

Надя вышла из дома, купила девятнадцать роз, которые поставила в синюю стеклянную вазу, посмотрела еще раз в лицо свекрови, позвонила мужу и только потом в скорую помощь.

— Заберите, пожалуйста, труп, — сказала она.

Насилие не передается по наследству, кажется. А склонность к насилию передается?

Надя часто задавалась этим вопросом, когда смотрела на белобрысых дочерей: они такие же кроткие, как и она, худенькие, маленькие, безобидные. Не умеют себя защитить в толпе более шустрых и приспособленных к обществу детей.

Если насилие не передается, то передается ли склонность стать жертвой?

Надя знала, что возможно и то и другое и что ее дочери однажды способны взять игрушечное одеялко, рассыпать на нем бусинки и уложить на них пластиковых кукол Барби. Одна из дочерей при этом может испытать ужас, другая — наслаждение.

История отношений Нади и ее супруга довольно обыденна — жертве требуется много времени, чтобы перестать терпеть издевательства и найти в себе силы уйти от насильника. Решиться на побег Надя смогла только после случая, позволившего осознать всю жестокость супруга: однажды утром Паша пошел в аптеку, купил какие-то таблетки, которые врачи назначают больным туберкулезом, и отравил любимую собаку и ее щенят.

— На них это действует как наркотик, — объяснил он жене и детям. — Они испытывают эйфорию, радость и счастье. Потом сердца вырубаются, и они умирают, не испытывая боли.

— Откуда ты знаешь, что они не испытывают боли? — спросила дочь.

- Так говорят ученые.
- А откуда они знают?
- Проводят исследования.
- Какие?
- Неважно.

— Папа, как ученые понимают, что собакам не будет больно?

— Я же сказал, неважно!

И вот наступила ночь, дети залезли на подоконник, а Паша вышел с семью псынами во двор, каждой разжал челюсти и запихнул по таблетке. Щенки принялись бегать по детской площадке. Со стороны действительно казалось, что они счастливы.

Он вернулся за Чао. Все еще сидя на подоконнике и упершись лбами в холодное окно, девочки увидели, как он разжимал челюсти их любимой собаке.

— Мама! Что он делает? Не надо! Не надо!

Потом Паша зашел в дом, лег спать, а утром отправился собирать остывшие тела и укладывать в багажник автомобиля.

— Чао такая тяжелая, когда мертвая! — крикнул он Наде, стоявшей у железной двери в подъезд.

Ровно в этот момент Надя поняла, что больше не может терпеть. Она быстро поднялась в квартиру и стала рассовывать документы и одежду по пакетам.

Местом, где она решила спрятаться, был подростковый клуб — там она долгие годы работала преподавателем.

Клуб находился в подвальном помещении обычной хрущевки. Помещение представляло собой длинный серый коридор, который вел к восьми комнатам: светлой студии танцев, тесной студии кройки и шитья, большому музыкальному залу, пахнущей краской и деревом мастерской и кабинету директора. Еще одно помещение было отдано под кухню, другое — закуток — представляло собой дворницкую; имелся также общий туалет с двумя неработающими кабинками и дыркой в полу.

Несколько часов Надя просидела вместе с дочерьми, спустя какое-то время приехала начальница, которой она

поведала подробности своей семейной жизни и рассказала, как и когда, по признанию самого Паши, супруг впервые почувствовал позыв к физическому насилию.

Паше было четырнадцать или пятнадцать лет, когда он подумал, что мужчина и женщина от природы наделены разной силой: у женщины это чистая похоть, с тоненькими ножками, узкой талией и соблазнительной белой кожей, у мужчины — брутальность, волосатое выносливое тело и кадык на шее.

Будучи подростком, он сидел в своей комнате и из окна замороженно смотрел на юбки соседских девочек, которые взлетали с каждым прыжком на скакалке: подошвы легко поднимались, легко опускались, потом опять вверх и снова вниз. В какой-то момент подглядывать за тринадцатилетними школьницами стало интереснее, чем заниматься спортом и распивать алкоголь с друзьями. Вначале это казалось безобидным занятием, потом довольно волнующим и только позже — очень опасным.

— Вот ведь, — говорил он Наде, — я понимал, что к ним можно подойти в любой момент за какими-нибудь гаражами и взять без разрешения. Я понимал, что я большой, а они такие маленькие. Я сильный, а они намного слабее.

Он смотрел, как они смеются, и искренне улыбался вместе с ними, сидя на узком белом подоконнике маленькой комнаты в доме на улице Красноармейской.

Здесь много десятилетий росли толстые тополя с на-масленными, ярко-зелеными листьями. Летом белый пух застилал асфальт и детские площадки, влетал в квартиры, забивался в чердачные окна, вызывая у Паши аллергию

и заставляя его, задыхающегося кашлем, соплями и слезами, половину каникул проводить дома.

Возможно, Паше никогда не пришли бы в голову такие мысли, если бы в это время он пинал мяч во дворе, зарабатывал первые деньги на стройке и разглядывал колени реальных девушек, а не прыгающих по тополиной вате малолетних девчонок.

— Я думал, что запросто мог бы их изнасиловать, — высказался он и тут же замолчал, заметив реакцию Нади. — Это была просто мысль, но она меня интриговала.

В такие моменты, по откровениям Паши, он резко осекался и запрещал себе продолжать: дескать, плохой Паша, мерзкий Паша, злой Паша, так нельзя, Паша, у тебя проблемы.

Поэтому Паша только смотрел: ему страшно было причинить настоящую боль, ошутить себя насильником по настоящему, а не так, прикидываясь, дурачась, забавляясь по ночам.

Подростковые фантазии, — думал он, скоро пройдут.

Но они никуда не уходили, приобретали другие формы, менялись лица, места, появлялись другие идеи. Паша жил с ними на протяжении всей жизни. Облегчение почувствовал, когда умерла мама и спустя несколько месяцев он впервые поставил жену коленями на гречку. Он наконец расслабился, словно то, что давно было не упокоено, вдруг нашло выход: тело перестало чесаться изнутри, в голове перестали звучать голоса.

Надя все говорит, говорит и говорит: об их знакомстве, семейной жизни, смерти свекрови, его откровениях, привычках и собственных страхах. Она показывает фотографии

неуютной квартиры, их лживых улыбок, его лица со шрамом и громадных рук.

— Мне нужно уехать, я должна уехать, — повторяет она, — это мой единственный способ спасти жизнь девочек.

— Следует обязательно сообщить в полицию, — предлагаю я, еще не осознавая, как поступает полиция с делами о домашнем насилии.

Но Надя уверена в том, что ожидание не лучшее решение; ужас, который охватывает ее при мысли встретиться с обидчиком лицом к лицу, вызывает панику и лишает способности остановиться, чтобы спокойно все обдумать.

Ей кажется, что, если они уедут в любую тихую местность, на какую-нибудь тысячу километров от Бугульмы, он их не найдет, и там они смогут начать жизнь заново.

Еще спустя два часа приходит сообщение от супруга: «Я найду твоих тупых подруг, приду к тебе на работу и придушу тебя. Маленькая тупая сука. Ничего, ничего, это ничего. Я придумаю такое, что тебе и не снилось».

Она еще раз повторяет:

— Нам нужно уехать.

Сообщения от мужа сыплются одно за другим — он то просит прощения, то шантажирует, то описывает в подробностях ее предстоящую смерть.

Наутро ни Нади, ни ее детей нет в городе. Самостоятельные попытки найти ее заканчиваются неудачей, новости появляются лишь спустя три месяца.

Оказалось, что Надя вспомнила о своих родственниках, живущих в деревне в трех сотнях километров от города. Взяв вещи, вместе с дочерьми она на попутках добралась до места.

Надя по-прежнему вместе с детьми живет у родственников: занимается хозяйством и пытается найти в себе

силы вернуться домой. Дочки оформлены в другую школу, в которую добираются специальным автобусом, и тоже ждут возвращения.

Надя не жалеет об отъезде и откровенно признается, что побег от мужа был лучшим решением за последние годы. Долгое время она жалела супруга, считая его жертвой жестокой матери и надеясь: однажды он поймет, что причиняет ей боль. Ей казалось, что таким образом Паша возмещает свои страдания.

Сейчас она так не думает: мысли, что он убил собак исключительно ради удовольствия, до сих пор не дают ей покоя.

— Я все думала, — говорит Надя, — когда муж поднял тело собаки, а она вообще-то размером с наших дочерей, что он проснется однажды утром и скажет девочкам: «Теперь ваша очередь стоять коленями на гречке». Я не хочу такой судьбы ни себе, ни детям. Уж лучше никак не жить и ни с кем не жить, чем вот так, сидя дома и боясь произнести хоть одно лишнее слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru